

Кролики и удавы, или удавы и кролики

(Наука и этика, или этика и наука)

В. П. Смилга

ВОЛЬДЕМАР ПЕТРОВИЧ СМИЛГА — доктор физико-математических наук, профессор кафедры теоретической физики Московского физико-технического института, главный научный сотрудник РНЦ «Курчатовский институт», соросовский профессор. Область научных интересов: ядерные методы исследования вещества (мюонный метод), физикохимия поверхности.

123182, Москва, пл. Курчатова, 1, РНЦ «Курчатовский институт», тел. (095)196-95-19.

«Оратор вкрадчивым голосом плел общеизвестное».

И. Ильф. Записные книжки

Читатели конечно отметили — заглавие украдено у Фазиля Искандера. Оно, полагаю, удачно и к месту украдено, но вроде бы требуются и некие собственные мысли, а с ними много тяжелей.

Потому рискну начать с длинной и «умной» цитаты с тем, чтобы отчасти прояснить предмет разговора, ибо со студенческой поры привык руководствоваться известным принципом марксизма: «Самостоятельная мысль — есть кратчайшее расстояние между двумя цитатами ... сводящееся к третьей». Вольнодумцы могут вставить частицу «не».

Итак, по Бертрану Расселу из его «Истории западной философии».

«Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное оказывалось до сих пор недостижимым; но подобно науке, она призывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения (курсив мой — В.С.). Все определенное знание, по моему мнению, принадлежит к науке, все догмы, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой, имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия.

Почти все вопросы, которые больше всего интересуют спекулятивные умы, таковы, что наука на них не может ответить, а самоуверенные ответы теологов более не кажутся столь же убедительными, как в предшествующие столетия. Разделен ли мир на дух и материю, и если да, то что такое дух и что такое материя? Подчинен ли дух

материи или он обладает независимыми силами? Имеет ли Вселенная какое-либо единство или цель? Развивается ли Вселенная по направлению к некоторой цели? Действительно ли существуют законы природы, или мы просто верим в них благодаря лишь присущей нам склонности к порядку? Является ли человек тем, чем он кажется астроному — крошечным комочком смеси углерода и воды, бессильно копошащемся на маленькой и второстепенной планете? Или же человек является тем, чем он представлялся Гамлету? А, может быть, он является и тем и другим одновременно? Существуют ли возвышенный и низменный образы жизни, или же все образы жизни являются только тщетой? Если же существует образ жизни, который является возвышенным, то в чем он состоит и как мы можем его достичь? Нужно ли добру быть вечным, чтобы заслуживать высокой оценки, или же к добру нужно стремиться, даже если Вселенная неотвратимо движется к гибели? Существует ли такая вещь, как мудрость, или же то, что представляется таковой — просто максимально рафинированная глупость?»

На мой взгляд эта замечательная фраза стоит многих философских томов. Простой вопрос, заданный Расселом, сразу же высвечивает в общем то очевидный факт: многолетние яростные ученые дискуссии идеалистов и материалистов, если рассуждать строго логически, велись собственно ... ни о чем. С тем же успехом можно было переиначить «дух» в «материю», а «материю» в «дух».

Действительно, и те и другие сходились во мнении, что Вселенная управляется неким об-

шим мировым законом (или, точнее, законами), но далее начинались туманные, полностью бес-содержательные словоизвержения. Если говорить по-простому, так сказать, по рабоче-крестьянски, вопрос всегда был только один: есть ли загробная жизнь? Или нет? Но, как правило, именно этот вопрос и топили в бесконечных рассуждениях. Неискушенные древние материалисты и теологи были и откровенней и честней. В наше время можно отметить Иммануила Канта и Остапа Бендера.

Как видите, Рассел очень четко провел классификацию тем человеческого познания и вдобавок забросал нас вопросами. Однако, увы, не стоит и мечтать о попытке дать какие-либо ответы. На такие вопросы нельзя найти ответа в лаборатории... Исследовать эти вопросы, если не отвечать на них — дело философии.

К тому же ни теология, ни философия не есть наши темы. Теологии вообще в нашей стране в наши дни касаться чуть ли столь же не рекомендуется, как лет пятнадцать тому назад ... философии.

Ныне все наши первейшие персоны стоят в первых рядах на молебнах. Светятся благодатью, со свечами ...

Этика (в возвышенном смысле) также материя тонкая, что она ...«просто черт знает что такое» — как говаривал незабвенный Иван Никифорович Довгочун...

Поэтому ограничимся некоторыми простыми замечаниями об обычной человеческой порядочности в мире науки. Кстати, в тех же «Записных книжках» у Ильфа есть примерно такая ядовитая запись: «Профессор киноэтики! А вся этика в том, что режиссер не должен спать с актрисами». В смысле — не злоупотреблять своим служебным положением.

Не будем говорить ни о шарлатанах, ни о всяческих лженауках по той простой причине, что к науке все это касательства не имеет. Число им — тьма. В наши дни, увы, не менее, чем в древности, а в так называемых «цивилизованных странах»* на душу населения приходится едва ли не больше, чем в племенах Новой Гвинеи-Папуа. Что свидетельствует о том, что тупость людская и невежество непреходящи. Это горестно констатировал еще Марк Туллий Цицерон в своем трактате «О предсказаниях», где он детально разбирает и истребляет все возможные виды суеверий и гаданий, в частности столь популярную ныне астрологию. Он, конечно, и вообразить не мог, что через две тысячи лет халдеи** будут едва

* Кто бы объяснил мне, что конкретно подразумевают в этом модном сегодня обороте.

** Римляне всех астрологов без разбора именовали халдеями независимо от реального их происхождения. Любопытно, что в нашем разговорном языке издавна термин «халдей» используется вполне адекватно реальному содержанию астрологии. Примерно: «жуликоватый болтун, манипулирующий квазиучеными заумными фразами». Так что не совсем мы безнадежны.

ли не более популярны, чем в Древнем Риме. Просмотрите прессу наших дней. В одном и том же номере газеты можно рядышком прочитать сообщения об открытии новой гамма-галактики, удаленной от Земли на десять миллиардов световых лет, и рекламу какой-то сударыни Мани, потомственной колдуньи в десятом поколении. Современная пресса вполне начала «отрабатывать» известное о себе определение как «второй древнейшей профессии»...

Поражает другое. Как в роде человеческом уживаются и соседствуют самое дикое, темное мракобесие и фантастические успехи в познании Вселенной, изысканность интеллекта, изящество мысли. Право, это куда удивительней, чем «нравственный закон внутри нас», который наряду со «звездным небом» так потряс Иммануила Канта. Между прочим, Катон в свое время полагал, что самое удивительное это — «как два гарусника (штатные предсказатели в Риме) удерживаются от смеха, беседуя на профессиональные темы».

Напоследок снова проявим патриотизм: на «культурном» Западе всякого чернокожия, шарлатанства, магов, экстрасенсов-лекарей не меньше (если не больше), чем в нашей благословенной державе. И расстанемся, наконец, с разнообразной и многоликой нечестью.

Однако вернемся к науке и ученым. На самом деле все просто. Ученые (научные работники) — люди творческой профессии. Соответственно и характер, и система взглядов, и отношение к жизни в общем такие же, как и у прочих служителей творческих профессий — писателей, поэтов, музыкантов, художников, актеров. Булгаков утверждал, что театр — самый сложный механизм в мире. Смею уверить: любой научный коллектив по сути ничем не отличается от театра (или, если угодно, оркестра). Отличия чисто внешние. Основное, пожалуй, в том, что профессия все же приучила ученых несколько более уважать логику мышления. Внешне как-то более благопристойно все выглядит, но суть-то одна.

Попробую дать классификацию ученых и их коллективов в соответствии с предлагаемым набором этических критериев.

Первое — отношение к своему делу. Здесь полная тождественность. Биолог либо историк так же увлечены, как актер либо скрипач. Об этом, помните, еще у Н. В. Гоголя сказано, когда он описывал, как в «Ревизоре» Антон Антонович отечески наставляет смотрителя учебных заведений Луку Лукича и в частности касательно учителя по исторической части:

Городничий: «... а как добрался до Александра Македонского, то я не могу Вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? От этого убыток казне.»

Лука Лукич: «Да он горяч! я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу.»

Городничий: «Да таков уже неизъяснимый закон судеб: умный, человек — или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых вон выноси.»

Кстати, стоит прочесть сценку полностью, чтобы убедиться: Антон Антонович науку отменно уважал, и ценил, и думаю, побольше, чем многие из наших губернаторов. А если уж серьезно, то следует сказать, что вплоть до нашего времени только энтузиасты выживали в науке (как и в театре). Потому не стоит тосковать о тех толковых ребятах, что уходят сейчас из науки в бизнес. Останься они — вышли бы в начальники. А там, в бизнесе от них может образоваться немалая польза.

Второе — оценка собственной значительности, так сказать по «месту под солнцем». Здесь все определяет конкретный характер индивидуума, однако, снова почти буквальное сходство. Автору приходилось беседовать с математиками (и даже известными), право, ничем не отличающимися от художников-абстракционистов, либо от композиторов — представителей серийной техники. Можно, однако, заметить, что здесь ученые выглядят даже в более выгодном свете, ибо о труде художника, актера, поэта, музыканта знают и судят все, и весьма безапелляционно. А, к примеру, о хроматограммах аминокислотных соединений, либо о технологии борокомпозиции, либо «о законах языка ирокезского» дилетанту рассуждать затруднительно.*

Так что ученому осознавать себя талантом, лидером даже проще, чем композитору, актеру. Само собой, какой-либо поэт где-то в подсознании убежден, что если уж он не гений, то заведомо талантлив. Но коль не печатают и в Союз писателей не принимают — кто же о тебе узнает? Обидно.

Иное дело в науке, где критерии много определенной, четче, но зато и круг ценителей много уже. Соответственно в точных науках предпосылки для возникновения тоталитарных научных коллективов («школ») существенно весомей.

Третье — отношение к коллегам. Это большой вопрос научной этики и опять же не видно особой разницы с театром (для краткости далее я

использую термин «театр» вместо перечисления разнообразных видов искусства). Людская природа едина и един характер отношений: правят лидеры—«удава» по определению Искандера. И правят, как говорится, «железной рукой». «Кролики» же в меру способностей копируют «удавов». Подчеркну — разговор сейчас о настоящих, больших ученых, отнюдь не о прихлебателях, мошенниках. К сожалению, не всегда просто разобраться, как и когда искренняя недооценка работ коллег переходит в обычную человеческую непорядочность. На то это и «театр». Примерами можно заполнить многотомные энциклопедии.

Ограничимся одним: сэр Исаак Ньютон, величайший Ньютон, который «разумом ... превосходил род человеческий» (как вполне справедливо гласит его эпитафия) всю свою жизнь неустанно вел тяжбы о приоритете, ... и даже говорят, что когда он стал президентом Королевского Общества, велел убрать все портреты Роберта Гука, который при жизни формально занимал скромный пост (нечто вроде старшего лаборанта).

Тут необходимо сказать. Сэр Исаак был джентельменом весьма нервным, ранимым, обидчивым. А с Гуком он к тому времени враждовал без малого лет сорок. И тем не менее... К тому же заметим, у Ньютона глубокая, истинная, даже болезненная скромность, полное пренебрежение к внешнему успеху, известности (он не публиковал свои результаты иногда десятилетиями) удивительным образом совмещались с капризной гордыней.

У тех же, кто рангом помельче этакая бесовская гордыня вырисовывается еще ярче. Наш Михайло Васильевич вообще возражений не терпел, устраивал скандалы в Академии, прав ли, не прав — без разницы.

Родные братья Якоб и Иоганн Бернулли многие годы трудились вместе, а к концу жизни учинили «разборку» все из-за того же приоритета.

Между прочим, реальный Эйнштейн также мало напоминает благостного Санта Клауса. Он довольно ревностно относился к работам коллег.

Четвертое — отношения ученых и властей предержавших. Но этого щекотливого предмета касаться не будем.

И при всем при том, и даже учитывая различные обстоятельства и все прочее...согласимся, ученые — лучшая часть населения нашей планеты.

* Правда, в не столь давние годы наши коммунисты эти трудности бодро преодолевали.